

Вэй Цю с улыбкой несколько раз пересмотрел банковский билет, затем осторожно сложил его и спрятал в кошель.

— Ты поделился с Цянь Мином?

— Поделился. Хотел отдать половину, но он ни в какую — взял только сто лянов.

Цянь Мин трезво оценивал ситуацию: хоть они и убили кабана вместе, основную работу выполнил Шинань. Именно он проявил смекалку и, рискуя собой, пошел в рукопашную со зверем. У самого Цянь Мина не хватило бы духу сойтись с вепрем вплотную. А ста лянов его семье хватит на несколько лет безбедной жизни.

В доме Цянь, дядя Цянь и Амо Цянь тоже сидели, лишившись дара речи от вида билета в сто лянов!

— Сынок! Откуда же столько денег? — дрожащими руками Амо Цянь выпрашивал сына.

Юнь-нян радостно смотрела на мужа, а увидев деньги, тут же метнулась закрыть входную дверь.

— Амо, само мясо не так дорого стоит, ценность в кабаньем желудке! Шинань-гэ говорит, это настоящее сокровище. Богатые господа обожают его, он очень полезен, особенно для стариков с больным желудком.

Цянь Мин глянул в окно и зашептал: — Сегодня всё продали за двести шестьдесят лянов. Шинань-гэ предлагал половину, но я не взял.

Услышав о такой сумме, все трое затаили дыхание. Наконец дядя Цянь торжественно кивнул — он знал цену своему сыну:

— Правильно сделал. Нельзя быть жадным. Чужого нам не надо.

Амо Цянь тоже подтвердил: — Шинань и его супруг — люди широкой души, не считают тебя за постороннего. Но и нам нельзя переходить границы.

— Если бы не Шинань-гэ, — добавил Цянь Мин, — мне бы никогда так не повезло добыть кабана и заработать столько денег. Я и знать не знал, что желудок такой ценный. Шинань-гэ сказал, он и сам раньше не ведал, пока на границе от старого военного врача не услышал. Говорит, их великий генерал когда-то такое ел.

Амо Цянь глянул на Юнь-нян и еще раз напомнил ей об уговоре между семьями, боясь, как бы не возникло обид из-за того, что им досталось меньше половины. Но Юнь-нян ничуть не возражала:

— Амо, не волнуйтесь, я всё понимаю. Да Мин давно говорил, что на охоте Шинань-гэ всегда о нем заботится. Раз мы заработали такие огромные деньги, я и в мыслях не держу спорить о долях!

Супруги переглянулись с довольными улыбками. Амо Цянь был счастлив: невестку выбрали правильную, характером в него!

Тем временем в дворике у подножия горы Шинань после обеда отдыхал на кане, наблюдая за хлопотами Вэй Цю.

— Смотри, тут дырка такая, что уже не заштопать. Выкидываем! Сделаю из неё тряпку для пола, — Вэй Цю, стоя на коленях у шкафа в конце кана, перебирал вещи.

Шинань кивнул. Вэй Цю отложил еще и две пары штанов — протерлись на коленях и сзади. Чинить было бесполезно. Всё равно нашили новых вещей на лето, а как похолодает — он сошьет мужу осеннюю одежду.

Сейчас у Шинаня вещей было даже больше, чем у самого Вэй Цю: тот задался целью одеть мужа с иголки. Видно, при первой встрече обноски Шинаня так уязвили Вэй Цю, что теперь он не выносил вида мужа в рванье.

Но когда он выудил еще две дырявые рубахи, Шинань воспротивился: — Цю-цю, эти оставь, заштопай — в поле ходить буду.

Вэй Цю присмотрелся... ну, если заплатку аккуратно поставить, будет незаметно.

— Ладно, залатаю!

Взяв корзинку с иголками и ножницы, Вэй Цю примеривался к ткани. Взгляд Шинаня потеплел. Тихое летнее солнце струилось сквозь окно, очерчивая красивый профиль Вэй Цю.

Шинань придвинулся и улегся головой ему на колени. Вэй Цю продолжал шить, не обращая внимания на нежности, но когда муж замер, он с улыбкой наклонился:

— Золото моё, не балуйся, иди поиграй где-нибудь.

— Не-а.

Шинань закрыл глаза и с плутовской улыбкой заулыбался. Вэй Цю ущипнул его за нос. Муж перехватил его руку, поцеловал ладонь и продолжил «работать грибом», не двигаясь с места. Вэй Цю, смеясь, набросил рубаху ему на пол-лица, оставив только нос и рот, и позволил мужу так и дремать у него на коленях.

В доме царил уют, время словно замерло. Шинань, вдыхая знакомый аромат, обнял Вэй Цю за талию и сладко заснул в обеденный час.

Дни летели, становилось всё жарче. Новый двор был просторным, но из-за отсутствия деревьев солнце палило нещадно. За последние дни Шинань пересадил во двор два куста золотистого османтуса и огромное финиковое дерево — все они были выкопаны в горах!

Сейчас все друзья шумно собрались во дворе, наблюдая за тем, кто сидел на дереве: — Эй, Да Бао, бери левее, подрежь там ветку!

— Да, вот тут! И справа тоже, и вон там! — Цянь Бао, обливаясь потом, карабкался по финику, обрезая лишнее. Остальные внизу с удовольствием прихлебывали холодный отвар из зеленой фасоли и давали бесполезные советы.

Цянь Бао огрызнулся: — Да замолчите вы все!

Сегодня выдался редкий день, когда Мэн Цюань и его товарищи вернулись с работ. Чтобы притащить это огромное дерево из леса, им пришлось изрядно попотеть — крона была слишком густой и тяжелой.

У Шинаня нога болела, он наверх лезть не мог. Вэй Цю рвался сам всё подрезать, но его

единогласно завернули: «Шутишь, что ли? Если Цю-гэр с его хрупким сложением свалится, куда мы, мужики, глаза девать будем?»

В итоге «назначили» Цянь Бао.

Вэй Цю: «...»

Когда ветки были подрезаны, а отвар выпит, друзья, посмеявшись, разошлись по домам. Вэй Цю подметал опавшие листья, наслаждаясь легкой прохладой в тени финика.

— Жаль только, что пересадили во время цветения, в этом году плодов не будет, — Вэй Цю с вожделием смотрел на дерево. — Ши-гэ, ты говорил, что ел плоды с этого дерева еще в детстве? Они сладкие?

— Сладкие, — уверенно подтвердил Шинань.

В детстве им с братом бывало нечего есть, и они часто уходили в горы на поиски пропитания. Как-то раз они набрали на это дерево, когда финики как раз созрели. Голод был невыносим, и это дерево помогло им пережить тяжелые времена.

Вэй Цю заметил, что Шинань погрузился в мысли.

— Ши-гэ? О чем ты?

Тот очнулся и улыбнулся: — Ничего. Вспомнил, как мы с братом посреди ночи тайком бежали еду искать.

Вэй Цю не ожидал такой грустной истории. Представив двух маленьких голодных мальчишек в ночном лесу, он с нежностью коснулся руки мужа:

— Теперь я рядом. Как бы поздно ни было, я всегда приготовлю тебе поесть, голодным не останешься.

Шинань посмотрел на сочувствующее личико Вэй Цю, открыто рассмеялся и подхватил его на руки:

— Хорошо! У меня есть Цю-цю, я не пропаду!

— Ой... пусти скорее, я еще двор не подмел! — смеясь, Вэй Цю легонько ударил его кулачком.

— Не пущу! — Шинань понес его в дом, а Вэй Цю, хохоча, обхватил его ногами за талию.

Вскоре настала пора жатвы — самое суетное время в году. В деревне за работу взялись все, от мала до велика. В полях взрослые торопились уложиться в световой день, с радостью срезая колосья и связывая их в снопы. Затем их несли на общий ток, чтобы обмолотить, когда всё поле будет убрано.

Повсюду кипела работа, а дети с корзинками деловито подбирали упавшие колосья. Даже самые мелкие зернышки не пропадали — позже в поля выпустят гусей и уток, которые вычистят землю дочиستا.

Глядя на всеобщее воодушевление, Вэй Цю тоже с утра пораньше собрался в поле помогать Шинаню, но его «карьера» жнеца закончилась, не успев начаться. Он неловко взял серп и порезал палец. Шинань, нахмурившись, с болью во взгляде взял его тонкую белую руку,

рассматривая выступившую каплю крови.

Вэй Цю: «...»

Царапина была крошечной. По серьезному лицу Шинаня можно было подумать, что мужу руку оттапало. Если бы Шинань не сжал палец так крепко, ранка затянулась бы за пару секунд. Вэй Цю вспомнил одну шутку и не удержался — прыснул со смеху, за что удостоился строгого взгляда мужа.

— Иди домой...

— Не пойду! — Это просто царапинка! Рука же на месте, зачем мне домой?

— Не смей так говорить!

Шинань отобрал у него серп и наотрез запретил продолжать. Теперь любая мелкая ранка на теле Вэй Цю причиняла Шинаню больше боли, чем если бы его самого полоснули ножом.

Вэй Цю в растерянности поднял забинтованный палец, похожий на белую редиску, и был вынужден примкнуть к отряду детей — ходил с корзинкой и подбирал колосья.

В этом году их урожай на целине составил около шестидесяти процентов от нормы — очень неплохо для первого раза. К тому же за первые два года освоения целины налоги платить не нужно, так что всё зерно с акра останется в семье. Вэй Цю смотрел на золотистую пшеницу с гордостью: хоть растил её не он, но теперь дома есть хлеб, и за него не надо платить! Счастье!

С этим участком они управились за два дня. Места во дворе было достаточно, так что на общий ток снопы не носили — молотили прямо у себя. Вэй Цю выгнал гусей и уток в поле доедать остатки, чтобы они не пакостили дома в зерне. Настало время обмолота. Это тяжелый физический труд, требующий сноровки — пшеницу нужно бить не как попало, и это очень изматывает.

Пока Шинань с голым торсом усердно работал цепом, Вэй Цю расстилал во дворе брезент и тонким слоем рассыпал зерно на просушку. Он постоянно следил за небом: погода в июне-июле капризная, как лицо младенца. Стоит зерну промокнуть под дождем — оно прорастет, и все труды пойдут прахом.

Только начав работать на земле, понимаешь, какой ценой достается каждое зернышко и сколько труда в него вложено. Вэй Цю видел, как пот градом катится с его мужа, который, кажется, еще сильнее загорел на солнце. Сердце его сжалось от жалости, и, разравнивая зерно, он задумался.

— Ши-гэ, приготовить тебе на обед свинину в красном соусе?

Шинань с улыбкой отозвался: — Конечно! Я съем всё, что ты приготовишь.

Вэй Цю отряхнул руки и убежал готовить. В обед на столе стояла любимая свинина Шинаня и рыба в кисло-сладком соусе. Супруги устроились во дворе под тенью финикового дерева.

— Выпей отвара, он уже остыл.

Вэй Цю налил мужу чашку отвара из зеленой фасоли. Шинань выпил залпом — от жары голос у него совсем охрип.

После обеда они ополоснулись прохладной водой и завалились на кан отдыхать. Во дворе на дереве вовсю трещали цикады, а сквозь ветви пробивались пятна солнечного света. Вэй Цю, одетый в короткие штаны и легкую рубаху, закинул свои белые ноги на живот Шинаня.

Они лежали вповалку, кожа к коже. Шинань, закрыв глаза, одной рукой лениво поглаживал икры мужа, а другой обмахивал его веером...

Под мерный стрекот цикад обоих клонило в сон. Ворота были заперты, двери в дом распахнуты, и сквозняк приносил приятную прохладу. Вскоре Вэй Цю тихонько засопел во сне. Шинань, услышав его ровное дыхание, приоткрыл глаза, заботливо укрыл мужа легким одеяльцем, чтобы не продуло, и снова закрыл глаза, погружаясь в сон...

<http://bllate.org/book/17091/1600527>